

ПОЛКОВОДЦЫ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА

Дмитрий
Володихин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Дмитрий Володихин

Полководцы Московского царства

«ВЕБКНИГА»

2020

Володихин Д. М.

Полководцы Московского царства / Д. М. Володихин —
«ВЕБКНИГА», 2020 — (Жизнь замечательных людей)

ISBN 978-5-235-04677-1

Россия XV–XVI столетий породила множество блистательных военных талантов. Полководцы той эпохи не уступают Суворову, Румянцеву, Кутузову, Жукову, Рокоссовскому и прочим прославленным военачальникам времен Российской империи и СССР ни в тактическом даровании, ни в количестве военных триумфов. Однако знают их гораздо хуже, поскольку в ту пору не писали мемуаров, и, соответственно, личность даже самого крупного царского воеводы оказывалась скрыта туманом времени от взоров будущих поколений. Но служба их видна по другим источникам, а победы их достойны доброй памяти. Эта книга посвящена им – титанам вооруженной борьбы, которую вела Россия XV–XVI веков на всех границах.

ISBN 978-5-235-04677-1

© Володихин Д. М., 2020

© ВЕБКНИГА, 2020

Содержание

Воеводы Третьего Рима: между князьями и генералами	7
Глава 1	9
Глава 2	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Дмитрий Володихин

Полководцы Московского царства

Жизнь замечательных людей

Серия биографий

Основана в 1890 году Ф. Павленковым и продолжена в 1933 году М. Горьким

Выпуск 1830

© Володихин Д. М., 2020

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2020

Воеводы Третьего Рима: между князьями и генералами

В XX веке историческая наука взяла за правило больше говорить не о личностях, а о «массах», «классах», «процессах большой длительности», «генеральных тенденциях развития социума» и «законах мирового исторического процесса». Личность принялись третировать как нечто ничтожное. Историю «монархов, полководцев и святых» объявили старым хламом, недостойным пера историка...

Все это привело историческую науку в тупик: ни один «закон мирового процесса» не открыт по сию пору, а значительная часть самих историков утратила понимание, зачем и для кого они пишут статьи, создают монографии, публикуют источники. «Массы-классы» притч в себе не содержат. Притчи, столь необходимые умному человеку для развития интеллекта и духа, удерживаются исключительно близ личностей.

Что ж, пора возвращаться к истории «монархов, полководцев и святых», ибо она всегда была, есть и будет интересной и поучительной. На страницах этой книги речь пойдет о полководцах. В истории жизни любого выдающегося полководца видны самые магистральные «тенденции развития социума», как океан виден в капле океанской воды.

Надо только присмотреться...

«Империя Рюриковичей» была великой державой раннего Средневековья. Появившись во второй половине IX века, она возвысилась в середине – второй половине X столетия и с конца X века по 1130-е годы переживала расцвет: политический, культурный, экономический. Высокое цветение ее длилось от Владимира Святого до Мстислава Великого. Затем эта величественная громада вошла в состояние многолетнего чудовищного кризиса, войны всех против всех и под звон мечей развалилась на множество независимых земель и княжеств.

Над бескрайними просторами раздробленной Руси тускло горела звезда единства. Звезда эта с каждым десятилетием давала все меньше и меньше света, поскольку память о прежней государственной общности постепенно рассеивалась.

Русь объединяли общая вера, общая Церковь, общий (с региональными различиями) язык, общая материальная культура, общая династия правителей, общая этническая основа, общие воспоминания об общем прошлом. Иногда – общий враг: степные кочевники, немецкие или шведские завоеватели. А вот политического объединения уже не получалось. Киев из столицы превратился в драгоценную добычу для борющихся между собой княжеских кланов. Свои, региональные центры силы росли во Владимиро-Суздальской земле, на исходе XII века принявшей политические модели Византии, а также в Смоленском, Полоцком, Черниговском, Галицко-Волынском княжествах. Обособился от Низовской Руси Новгород Великий, и уж затем от него самого начал обособляться Псков.

Вся эта пестрота разбилась вдребезги под ударами монголо-татар. Часть ее оказалась в подчинении у Орды: платила ей дань, соглашалась с тем, что хан ордынский определял, в каком уделе кто из русских князей должен править. Русь, зависимая от ханов, раздробилась в XIV веке еще более, чем это было до Батыева нашествия... Другая часть страны оказалась в подчинении у литовских князей и с конца XIV столетия жила под натиском католицизма, хищно нацелившегося на Южную и Западную Русь.

Для нас, нынешних русских, XIV век – эпоха, сверкающая драгоценной памятью о преподобном Сергии Радонежском, святителе Алексии Московском, великом князе Дмитрие Донском и славном живописце Андрее Рублеве. А для русских людей, живших тогда, это столетие наполнено было нищетой, голодом, массовыми вспышками смертоносных болезней, унижением перед иноплемениками и иноверцами, карательными ратями Орды и постоянным нажи-

мом Литвы на восток. Труды великих исторических личностей, перечисленных выше, выглядели в ту пору редкими оазисами света в непроглядной ночи бедствующей нации.

А вот XV век разделил историю Руси надвое, оставив темень невыносимо тяжких времен в прошлом. Древняя, почти исчезнувшая с небосклона звезда былого единства сменилась жарким солнцем нового объединения.

Во второй половине столетия появилась Россия – единое Русское государство, где народ, ранее строивший свою судьбу либо «под Ордой», либо «под Литвой», теперь жил как хозяин. Стране предстояло выдержать новые и новые удары прежних господ-ордынцев на рубежах, отобрать у Литвы земли, когда-то входившие в Древнерусское государство, то есть ту же «империю Рюриковичей», и принять имперское наследство от умирающего Византийского мира.

Уже в начале XVI века в Москве осознают себя «Третьим Римом» и «Вторым Иерусалимом», иначе говоря, единственной истинно православной империей. Под рукой московских государей изначально сосредоточивается примерно половина той политической и экономической мощи, какой обладали великие князья киевские в эпоху расцвета Древнерусской державы. Московское царство расширяется, держит оборону, вновь расширяется, опять защищает себя и вновь раздвигает границы... Оно как бы «дышит», и при каждом вдохе территория его медленно, но неуклонно растет.

Именно XVI столетие сделало Россию государством, которое является субъектом большой политики на мировом уровне.

Но для того, чтобы это произошло, московским правителям потребовалось обзавестись военной элитой чрезвычайно высокого класса. Русские воеводы Московского царства обладали выдающимися качествами: богатым опытом, полученным от прежних поколений военачальников, большой энергией, стойкостью, целеустремленностью, отвагой.

Они уже не были теми удельными и великими князьями, которые когда-то по своей воле и своему хотению воевали между собой, бесполезно проливая русскую кровь. Воевод Третьего Рима вела воля московских государей, они подчинялись строгой дисциплине и решали задачи, которые в совокупности своей работали на осуществление общего стратегического плана. Конечно, они еще далеко не столь жестко встроены в военную машину страны, как это будет с генералами Российской империи. У них больше самостоятельности в решении тактических задач. Но в этом есть свое преимущество: система ведения боевых действий, присущая России от Ивана Великого до Бориса Годунова, отличалась большой гибкостью и скоростью реакции.

Кроме того, Россия тех времен – «пороховая держава». Без пищальников, стрельцов, пушкарей с их «нарядом огненного боя» не обходятся главные походы и битвы эпохи. Поэтому русские воеводы быстро учатся применять те преимущества, которые они имеют над большинством соседей, – мощную артиллерию, а также крупные, спаянные дисциплиной, единообразно вооруженные отряды пеших стрелков.

Полководцы Московского царства далеко не столь известны, как их коллеги времен Российской империи. Но они проявляли себя на полях сражений ничуть не хуже Суворова, Румянцева, Кутузова, Паскевича и Скобелева. Военные достижения их огромны и достойны прославления в веках.

Поклонимся им с благодарностью.

Глава 1

Князь Даниил Дмитриевич Холмский

*Пришла пора; громада русских стран
Стремится вышней силой воедино;
Века дробили Русь, бичи востока
И запада пришли на Русь; Татары
Полцарством овладели, а Литва
От нас отпала с ересью латинской;
Поморье беззащитное досталось
На долю Немцев... Но пришла пора!
С зарей Москва поднимется над Русью...
Царь Иоанн, державный исполин,
Возстал: в его священную десницу
Восточная империя сложила
Последние залогов православья,
И древняго величья Византии;
И мы залогов те с лихвой умножим;
И греческий орел с орлом московским
Державно вознесутся над Европой...*

Н. В. Кукольник.

Князь Даниил Дмитриевич Холмский

Князь Даниил Дмитриевич Холмский – первый на Руси действительно известный и ярко талантливый полководец нового типа. До середины XV столетия подавляющее большинство знаменитых русских военачальников составляют государи: удельные князья, великие князья... Иногда меж ними проскакивает некий значительный «муж меча и совета», имевший успех на бранном поле. Варяг Свенельд, оказавшийся удачливее князя Игоря, например, или, скажем, Федор Басёнок – военачальник Василия II. Но оба они, как и другие бояре и воеводы древнерусских князей, показали всего лишь искры воинского таланта, и разобрав, какого масштаба полководческий дар им достался, трудно – из-за состояния источников. В их судьбе не было долгого шествия от победы к победе, им не досталось у потомков громкой славы. Свенельд, конечно, знаменит, но скорее не как полководец, то есть не победами своими, а как государственный деятель... Иначе говоря, они представляют собой невеликое исключение в общем ряду.

А ряд этот состоит из личностей, по самой общественной роли своей сочетавших в военной деятельности работу тактика с работой стратега. Князья должны были одновременно мыслить и как правители, и как полководцы, думать и о судьбе очередной битвы, похода, обороны крепости, и о судьбе войны в целом. Порой – о том, что будет происходить после войны и как изменится расстановка сил во всей Руси.

Князь Холмский не таков. Ему выпало служить и сражаться в новое время. Всю «нагрузку» стратегического планирования, включая дипломатическую подготовку войны, поиск союзников, обеспечение крепостей и полевых армий, определение объектов для защиты и нападения, направлений главного удара и последовательности решения боевых задач, взял на себя монарх, а именно Иван III Великий. Фактически он выполнял роль современного начальника Генштаба, военного министра и главнокомандующего в одном лице. Несколько раз Иван III выходил «в поле» сам – в особо важных случаях. Например, при покорении Новгорода

и Твери. Но по большей части он доверял ведение боевых действий своим воеводам. Имея необыкновенную интуицию на таланты разного рода – в сфере административной, военной, культурной, – Иван Васильевич умело отыскивал дельных людей, в том числе полководцев. Он редко ошибался. Именно он возвысил с полдюжины даровитых военачальников, приносивших стране триумф за триумфом. Каждый из этих воевод получал шанс проявить в полной мере свой тактический талант, но от решения задач стратегического уровня освобождался. Стратегия со времен Ивана III и до эпохи Смуты оставалась принадлежностью монаршего звания. В то же время от государей русских ушла тактика. Они, конечно, время от времени брали на себя командование полевыми армиями. Но это происходило нечасто. Почти всегда тактикой заведовал воевода, а не великий князь и не царь.

Так вот, Холмский – первый великий русский полководец, который был тактиком в чистом виде. И на ниве тактической борьбы снискал себе высокую славу. Памятник ему вошел в состав мемориала «Тысячелетие России», имени князя летописцы придали блеск, связав его с великими успехами русского оружия второй половины XV века. Сама эпоха, переломная, созидательная, эпоха рождения России, дала Холмскому множество поводов показать себя в походах и сражениях; Даниил Дмитриевич испытывался многое множество раз, но не ведал горечи поражений. Вот истинная звезда на небосклоне войн Ивана III!

В старомосковскую эпоху сплошь и рядом жизнь человека определялась двумя обстоятельствами: положением его рода и его собственным положением внутри рода. Даниил Дмитриевич не исключение.

Неизвестно, когда он родился, скорее всего – в 1440-х годах. Принадлежность его к старшей ветви Тверского княжеского дома, а именно к семейству удельных князей Холмских, формально поднимала его до высшего яруса в иерархии князей Рюрикова рода. Его прадед, князь Всеволод Александрович, занимал великокняжеский стол в Твери в середине XIV столетия. А его прапрадед, князь Александр Михайлович, княжил не только в Твери, но также был, пусть и недолгое время, великим князем владимирским. Но это – «внешнее» положение рода. Внутри рода Даниил Дмитриевич оказался на положении младшего брата и князя-изгоя, когда старший, Михаил, занимает Холмское удельное княжение, а у самой Твери есть государь Михаил Борисович. Для Даниила Дмитриевича же в Тверском княжестве «вакантного» удела не осталось. Не позднее 1460-х годов он перешел на службу к Москве.

Нельзя видеть в нем «перебежчика» в стан неприятеля, поскольку Тверь и Москва на тот момент не имели между собой вражды. Иван III женился на сестре великого князя тверского, а его младший брат Борис, князь Волоцкий, позднее взял в жены племянницу Даниила Дмитриевича. Иными словами, князь ехал служить в дружественную землю.

В дружественную, да... но все же не в отеческую.

Холмский оказался в сложном положении. У себя на родной земле, среди персон Тверского княжеского дома, он оказался лишним человеком. Он там только мешал. А в Москве, под высокой рукой Ивана III, он все-таки считался чужим. Местное боярство и роды служилых князей, давно склонивших голову перед московским сюзереном, составляли плотную среду, не имевшую никакого интереса в том, чтобы допустить приближение к монарху человека со стороны, «приймака».

Поэтому величие при дворе московском Даниил Дмитриевич мог снискать лишь одним способом: оказать выдающиеся услуги Ивану III и принять от него в ответ милости и пожалования. Воинское дарование открывало для этого самый естественный путь.

Другое дело, что в подобной же ситуации оказались князья и других родов. Представители Ростовского, Ярославского, Суздальского княжеского домов, служилые Гедиминовичи и выходцы из менее именитых семейств столпились у подножия престола, ожидая для себя шанса на возвышение. А получив его, кто-то сумел воспользоваться доверием великого князя, а кто-то – нет.

Так, например, высокородный Рюрикович князь Даниил Александрович Пенко из Ярославского княжеского дома счастливо провалил целую кампанию против ливонских немцев...

Холмский же всегда был безотказен и безупречен, как хорошо наточенный клинок дамасской стали.

Боевое крещение князь принял в войнах, которые Москва в 1460-х годах вела против Казани.

Трудная война с Казанским ханством, продлившаяся с осени 1467 года по осень 1469-го, принесла несколько побед, правда, в основном частного характера¹. Из крупных достижений русского оружия следует назвать: удачный рейд на Вятку и Каму весной 1468 года и разгром отряда татар на Каме легкой «сборной» ратью, которую возглавлял, по всей видимости, Иван Дмитриевич Руно², воевода боярского рода, отличившийся еще при Василии II; разгром князем Ф. С. Ряполовским летом 1468 года «татар казанских, двор царев, многих добрых» и взятие в плен некоего князя Хозюм Бердаа³ (тогда же убили татарского «богатыря Колупая»⁴) – невеликая, но все же победа на фоне тяжелой войны, шедшей с переменным успехом; новый фантастически успешный набег на казанцев в мае 1469 года, сожжение посадов Казани (и опять командует легкой ратью Иван Руно). Сюда же относится частичный успех в большом сражении с казанскими татарами у Звенича (Звеничева Бора) летом 1469 года⁵ – здесь к отряду Ивана Руно присоединились крупные силы московские, и общее командование осуществлял, по всей видимости, один из знатнейших нетитулованных служилых великого князя московского – Константин Александрович Беззубцев. Объединенная рать под командой К. А. Беззубцева успешно отбила натиск татар, но успех на тактическом уровне не избавил ее от необходимости отступить, то есть не дал успеха на уровне стратегическом.

Тяжелый, затяжной характер этого вооруженного столкновения диктовался тем, что на исходе 1460-х годов Иван III располагал лишь ограниченным военным потенциалом Москвы, Ярославля, а также ополчениями восточных приграничных областей. Ему еще не подчиняется

¹ Еще до этой войны, в самом начале правления Ивана III, происходили боевые действия между Московским великим княжеством, Казанским ханством и «черемисой». Они реконструированы В. А. Волковым по материалам периферийного летописания (в разрядах и великокняжеском летописании данные отсутствуют): «Уже первый поход воевод Ивана III в какой-то степени задевал интересы Казанского ханства, ибо нацелен был на подвластных волжским татарам черемисов. Вступив на престол 17 марта 1462 года, после смерти отца... великий князь отправил своих воевод, Бориса Федоровича Кожанова и Бориса Матвеевича Слепого Тютчева, на Черемисскую землю и Великую Пермь. С ними выступили устюжское, вологодское и галицкое ополчения. Описывая этот поход, автор Архангелогородского летописца рассказал, что “шли воеводы мимо Устюг[а] к Вятке, а по Вятке вниз, а по Каме вверх в Великую Пермь”. Результаты экспедиции остались неизвестными, но по реакции противника можно судить, что она удалась, так как “того же лета рать черемисская с тотары казанскими (!) приходили на Устюжский уезд, на верх Югу реки, на волость на Лоху, повоивали, в полон повели много русских голов”. Но устюжане смогли настичь нападавших, побить их, “а полон назад отполонили”. В несколько более сжатом виде о походе Кожанова и Тютчева и ответном нападении черемисов на Верхоужье сообщается во второй редакции Устюжского летописца и Летописце Льва Вологодина. Единственным отличием их от Архангелогородского летописца является указание на боярский чин Бориса Кожанова. Поход 1462 года, как и другие операции первого периода правления Ивана III, был осуществлен еще в условиях старой, “устоявшейся военной системы” силами земского ополчения северорусских городов “с вероятным участием служилых людей и во главе с воеводами великого князя”. Из сообщений летописцев совершенно ясно, что поход совершался по рекам, на кораблях. Пройдено оказалось в общем счете не менее 1000 верст» (Волков В. А. Под стягом Москвы: Войны и рати Ивана III и Василия III. М., 2016. С. 12, 13). Закавыченные фрагменты взяты из книги Ю. Г. Алексеева «Походы русских войск при Иване III» (СПб., 2007). Сам же Ю. Г. Алексеев отметил следующее: «Почему... известие об этом походе не отразилось в общерусском (Московском великокняжеском) летописании? Можно предполагать, что в начале 60-х гг. еще не существовало ведомства, регистрирующего все походы великокняжеских воевод. Поэтому великокняжеский летописец не отметил... события 1462 г. ...Отсутствие официальных известий о военных событиях 1462 г. ...само по себе может рассматриваться как важный источник, характеризующий уровень организации руководства военной деятельностью великого княжества Московского» (Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. С. 21).

² Как минимум он командует отрядом «казаков», посланных из Москвы, и на этом основании может считаться «старшим по чести» во всей рати.

³ Воскресенская летопись. Продолжение // Полное собрание русских летописей. СПб., 1859. Т. 8. С. 154.

⁴ Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Пг., 1921. Т. 24. С. 187.

⁵ Н. С. Борисов с большой достоверностью реконструировал дату сражения – 23 июля 1469 года (Борисов Н. С. Иван III. М., 2000. С. 400).

ни Тверь, ни Новгород Великий, ни даже – в полной мере – Ростов, не говоря уже о городах и областях Литовской Руси. Фактически Москва на тот момент имеет под рукой для оперирования на востоке лишь немногим больший ресурс, чем было при Василии II. Казанцы наносили контрудары – по Галичу, по Рязанской земле, по костромским волостям – так что наступательные операции приходилось сочетать с оборонительными.

Роль князя Даниила Дмитриевича Холмского на полях сражений войны с Казанью – в высшей степени выигрышная. Иван III расставил по городам, над которыми нависала угроза татарских набегов, «заставы», то есть легкие отряды. Их командиры должны были «встречать гостей». Одна из «застав», очевидно, встала под команду Холмского. Весной 1468 года казанцы появились у Муром, но взятой добычей не удовлетвоались и вскоре вернулись туда же и «много полону взяша». На сей раз они нарвались на контрудар Холмского. Воевода «...иде за ними из Муром и достиже их и бив их, полон весь отима, а инии, с коней сметався, уидоша в лес»⁶.

Несколькими месяцами ранее, зимой того же года, князь Семен Романович Ярославский совершил рейд «на черемису». Поход имел целью разорить вражескую область, истребить население и взять богатую добычу, что и было исполнено. Сопротивляться рати Семена Романовича местное население не могло, а потому сполна расплатилось за недавний набег казанского хана на русский Галич.

Сравнивая два похода – Д. Д. Холмского и С. Р. Ярославского, нетрудно заметить большую значимость успеха, выпавшего на долю Даниила Дмитриевича: ему удалось истребить значительный контингент живой силы противника и освободить «полон», в то время как Семен Романович смог только отомстить.

Ю. Г. Алексеев придавал этой войне значение стратегически важного предприятия. Исследователь подчеркивал, что «это была первая наступательная война против улуса Чингизидов. Впервые после Куликовской битвы Русская земля от обороны на востоке перешла к наступлению... Военные действия развертывались на широком фронте и на двух операционных направлениях, что в военной истории Руси наблюдается впервые. Широкий размах операций приводит к качественно новому методу руководства войсками. Впервые великий князь не идет в поход во главе своих войск, а находится в тылу, в ставке, из которой осуществляется оперативно-тактическое управление войсками. Впервые великий князь выступает в роли не тактического, а стратегического руководителя... Впервые можно наблюдать зародыш аппарата управления, без которого руководство войсками из ставки невозможно»⁷. Все это справедливые, обоснованные суждения, к которым остается добавить следующее: Казанская война 1467–1469 годов явилась своего рода школой для московского воеводского корпуса и особенно его высшей части – элиты. На протяжении двух лет русские полководцы под стягами Москвы учились слаженности в действиях, дисциплине, а также глубокому, многоходовому планированию. Впоследствии ветераны Казанской войны без труда будут бить слабо организованное ополчение Новгородской вечевой республики.

Муромский бой стал своего рода «пробой сил» для князя Холмского.

Битвы, прославившие Даниила Дмитриевича как великого полководца, состоялись несколькими годами позднее – во время великой войны, когда Низовская Русь во главе с Москвой пошла в наступление на Новгород Великий.

В публицистической литературе столь часто звучал риторический вопрос: «Что славы полководцам, побеждавшим на полях сражений междоусобной войны, когда бились между собой русские с русскими, православные с православными?» Есть в этом вопросе изрядная доля лукавства. На заднем плане его возникает образ вольной вечевой республики, «русской

⁶ Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Пг., 1921. Т. 24. С. 187.

⁷ Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. С. 62, 63.

Венеции», которой «московский деспотизм» поставил ногу на грудь, и она захрипела, выдавливая слова покорности.

Но чем жила эта республика, предоставлявшая максимум вольности «господе», то есть нескольким десяткам боярских родов, и минимум прав «людям молодшим», то есть массам бедноты? Она богатела от земельной ренты, торговых прибылей, таможенных и транзитных пошлин, возможно, иных финансовых операций. А в это время Низовская Русь – Владимирская, Тверская, Московская – должна была выходить в поле и драться с ордынцами, чтобы очередной набег не пронзил русское тело точно холодный смертоносный клинок, чтобы не горели города, чтобы русский полон не уходил на работоторговые рынки.

Новгород в это время вел мирное существование. Он без особенного рвения предоставлял серебро на ордынскую дань-выход. И он не торопился выделять средства на общерусское дело обороны от татар, когда времена дани стали уходить в прошлое. Мало того, стремясь сохранить всю полноту суверенитета и, соответственно, всю полноту прибылей, «господа» новгородская заигрывала с королем польским и великим князем литовским Казимиром, показывая Москве: у нас есть высокий покровитель, в случае необходимости он за нас заступится. В Новгороде могли и архиепископа принять от той части православной иерархии, которая находилась под контролем литовских властей.

Когда эти игры зашли слишком далеко, Москва ударила. И за ней в тот момент стояла вся Русь, истекавшая кровью от бесчисленных битв с татарами, грудью своей защищавшая Новгород с его эгоистичным боярским правительством.

Против Новгорода шли полки не только Москвы, Твери, всей Руси Владимирской, но и отряды псковичей, вятчан и устюжан.

Итак, летом 1471 года войска по приказу Ивана III с разных сторон вошли на Новгородскую землю. Князь Холмский получил в этой кампании роль более заметную, чем воевода «заставы», но довольно скромную, как мыслилось московскому командованию при самом начале боевых действий. Он возглавил передовой конный отряд, в состав которого вошли помимо собственно московских бойцов еще и силы второстепенные: «дети боярские» удельных князей Юрия и Бориса Васильевичей. Вряд ли под началом Даниила Дмитриевича собралось хотя бы десять тысяч человек. Скорее от четырех до семи тысяч. Основные силы с великим князем во главе двигались далеко за спиной легкой рати Холмского.

Казалось бы, какой вред мог нанести этот отряд Господину Великому Новгороду, выглядевшему до начала войны как военная громада, настоящий тяжеловес большой политики? Огромная территория, богатое и решительное боярство в составе политической элиты, сильный союзник на западе, значительный мобилизационный ресурс...

Однако Новгород очень долго не воевал с серьезными противниками. Предыдущую войну с Москвой он проиграл и с тех пор не вел значительных боевых действий. Опыт масштабного вооруженного противостояния оказался утрачен, мышцы ослабели... Поэтому война с Низовской Русью, кроме единственного эпизода, о котором речь пойдет в одной из следующих глав, получила вид сражений между сибаритами и спартанцами.

Легкая передовая рать князя Холмского шла, разоряя новгородские волости, сжигая села и захватывая пленников. Она выполняла задачу устрашения. Дойдя до Русы, Даниил Дмитриевич разграбил местность вокруг города.

Вставший на берегу озера Ильмень, у деревни Коростынь, отряд князя подвергся нападению судовой рати новгородцев. Те высадили десант, подобрались поближе и набросились на невеликую рать Холмского. Однако эффект неожиданности не принес им победы. Со сторожевых постов Холмскому пришла весть: подошел неприятель. Князь ждал новгородцев и ответным ударом опрокинул их. Бой был тяжелый, и сами новгородцы считали, что нанесли в нем серьезный урон неприятелю. Позднее в новгородском летописании появилось краткое описание Коростынской битвы: «И взяша преже Русу и святыя церкви пожгоша, и всю Русу

выжгоша, и поидоша на Шалону воюючи; а псковичи по князе [Иване III] пособляюще, и много зла новгородским волостем учиниша. И новгородци изыдоша противу... на Шалону, а к Русе послаша новгородци судовую рать, и пеши бишися много, и побиша москвич много; и пешей рати паде много, а инии разбегошася, а иных москвичи поимаша; а коневаа рать не пошла к пешей рати на срок в пособие, занеже владычен стяг не хотяху ударитися на княжю рать, глаголюще: “Владыка нам не велел на великого князя руки подынути, послал нас владыка на пскович”»⁸. Иными словами, с точки зрения новгородцев, причиной конечной неудачи стали разногласия в военном командовании. Московская летопись все объясняет иначе: Холмский быстро поставил в строй своих людей, организовал отпор и перешел в контрнаступление.

Час военной доблести миновал, и Даниил Дмитриевич, связанный долгом службы великому князю, решил продолжить выполнение поставленной перед ним задачи: устрашать. Здесь он повел себя ужасающе, превысив всякую разумную меру карательных акций. Пленникам он повелел «самим меж себя... носы и губы и уши резати, и отпускаху их назад к Новгороду»⁹.

Возвратившись к Русе, Холмский принял на щит вторую, более значительную судовую рать новгородских пешцов. Большая численность не спасла ее: московский отряд решительно атаковал и уничтожил второй контингент новгородского ополчения. Хаотичность в командовании вооруженными силами вечевой республики привела к тому, что организовать одновременный удар двух ратей с разных направлений новгородцы не сумели. Предоставить им поддержку конной рати – тоже. Даниил Дмитриевич разбил их по частям.

Двинувшись к городку Демон, князь получил приказ Ивана III идти на соединение с союзным войском псковичей. Повернув к ним, Холмский наткнулся на главные силы Новгородской республики – конную «кованую рать». Встреча произошла на реке Шелони. Верный своей тактике решительного нападения на неприятеля князь приказал атаковать новгородцев, несмотря на их численное преимущество.

В сущности, одна маленькая часть воинства Ивана III, понеся потери в двух битвах, противопоставила себя исполину – лучшей, сильнейшей армии Господина Великого Новгорода. Необыкновенная отвага и... безумная дерзость! Что же исполин? Потерпел страшное поражение, «мало щит подержавше»¹⁰, как выразились современники. Основной оплот военной мощи новгородской, латная боярская конница, быстро разбежалась с поля боя...

Московская официальная летопись сохранила подробное известие о победе полководца на Шелони: «А новгородские посадники все и тысяцкие, купцы и житии людие, мастыри всякие, спроста рещи, плотники и гончары и прочие, которые родився на лошади не бывали и на мысли которым того не бывало, что руки подняти противу великого князя, всех тех изменницы... силою выгнаша, а которым бо не хотети поити к бою тому, и они сами тех разграбляху и избиваху, а иных в реку в Волхов метаху, сами бо глаголаху, яко было их сорок тысяч на бою том. Воеводы же великого князя, аще и в мале беста, глаголют бо бывшеи тамо, яко с пять тысяч их только бе, но видевшее многое воинство и положивше упование на Господа Бога и Пречистую Матерь Его и на правду своего государя великого князя, поидошу... противу их, яко львы рыкающие, чрес реку они Великую, ея же новгородци глаголю никогда тамо броду имуще, а сии же не пытающе броду, вси целы и здравы преидоша ея. Видивше же се новгородци устрашишася зело, возмутишася и восколебашася, яко пьяни. А ся пришед на них начаша преже стреляти их, и возмутишася кони их под ними и начаша с себя бити их, и тако вскоре побегоша гонимы гневом Божиим за свою их неправду... Полци же великого князя погнаша по них, колюще и секуще их, а они сами бежаше, друг друга бьюще и топчаше»¹¹.

⁸ Новгородская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М., 1982. С. 404.

⁹ Московский летописный свод // Полное собрание русских летописей. М.: Л., 1949. Т. 25. С. 288.

¹⁰ Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Пг., 1921. Т. 24. С. 190.

¹¹ Московский летописный свод // Полное собрание русских летописей. М.: Л., 1949. Т. 25. С. 289.

Ей вторит Псковская летопись, сухо, без риторических красот, передающая суть дела: «И наехаша [новгородци] на Шолони обонопол реки силу московскую князя Данилья... и вергошася москвичи с берега в реку и, перебредши реку, ударишася на них, а новгородци видевшие такоу дерзость их обратишася на бег; и тако побегоша, и биша их москвичи»¹². Одна решительная атака – и дело сделано. Малыми силами, без больших потерь Холмский разнес «кованую рать» в щепы, точно маленький Давид, повергший великана Голиафа.

Собственно новгородский взгляд на события Шелонской битвы – иной. Новгородец, писавший летописную повесть про 1471 год, выразил мнение, согласно которому причины неудач вечевой республики в войне с Москвой надо искать в разногласиях среди «вятших» и «молодших» людей Новгорода и... в татарах, которые, оказывается, вырвали победу на Шелони.

Еще до начала сражения «...начаша новгородци вопити на больших людей (видимо, на бояр. – Д. В.), которые приехали ратью на Шолону: “Ударимся ныне”, – каждо глаголюще: “Яз человек молодой, испротеряхся конем и доспехом”». Иными словами, «молодые» не торопились класть головы за интересы политической элиты. Здесь – явное совпадение с московским летописанием, которое сообщает о «плотниках» и «гончарах», не имевших желания поднять руку на великого князя, но принужденных к тому «господой».

Далее новгородец сообщает об атаке главных сил вечевой республики на москвичей, перешедших через Шелонь: «И начаша ся бити, и погнаша новгородци москвич за Шолону реку». Тут не совсем понятно: то ли в новгородской повести рассказываются сказки, как тяжелобронная боярская рать гнала отряд князя Холмского обратно за Шелонь, и сего быть никак не может, поскольку «кованая рать» Господина Великого Новгорода переправиться через Шелонь в принципе не могла, – в отличие от легковооруженных конников Холмского; то ли имеется в виду, что новгородцы попытались наскоком отбросить москвичей, вставших на берегу, и подобного рода контрудар выглядит логично. В любом случае новгородец признает поражение своих: «И ударишася на новгородцев засадная (или «западная», то есть из западни. – Д. В.) рать татарове, и паде новгородцев много, а иныи побегоша, а иных поимаша, а иных в полон поведоша, и много зла учиниша; а все то створися до великого князя. И послаша новгородци посла в Литву, чтобы король всел на конь за Новгород. И посол ездил кривым путем в Немци, до князя немецкого, до *местера*, и возвратися в Новьгород, глаголюще, яко: “*Местер* не даст пути чрес свою землю в Литву ехать”»¹³.

По московским источникам, отряды служилых татар шли с другими ратями, Холмскому их не дали. Но одно дело – план на кампанию, а другое – живые боевые действия. И в ходе наступления Холмского Иван III мог отправить ему вдогонку подмогу – небольшой контингент татарской конницы. А может быть, какая-то часть москвичей, снаряженных ориентально, то есть по-татарски, вызвала в горячке боя ассоциацию с грозными ордынцами и напугала новгородское командование. Не столь уж это и важно: были служилые татары на Шелони или их не было. В любом случае много их там присутствовать не могло и роль решающей силы они не играли.

Другое важнее: московское летописание, как правило, спокойно констатирует неудачу своих воевод или бой кровавый, тяжелый, успех в котором дался с большим трудом. Так, например, в рамках той же самой войны на Северной Двине произошла страшная бойня, стоившая обеим сторонам многих потерь. Победила Москва с союзниками, но московский летописец честно признает: был «бой велик». Иначе говоря, победа далась нелегко... К Шелонской

¹² Псковская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 5. Вып. 2. С. 56.

¹³ Новгородская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М., 1982. С. 404.

битве отношение иное. Четко говорится, что новгородцы побежали быстро, не оказав серьезного сопротивления. Отношение к побежденным – презрительное: горе-вояки!

Так что, вернее всего, хаотично организованное, не рвущееся в бой ополчение Господина Великого Новгорода с удивлением встретило высадку москвичей на свой берег Шелони, попыталось было контратаковать, расстроилось под ливнем стрел и побежало. Командная верхушка «кованой рати» не могла в тяжелых доспехах уйти от погони и попала Холмскому в плен вместе с двумя тысячами рядовых воинов. Боевые стяги стали трофеями москвичей. А постфактум выдумана была какая-то засадная рать, бог весть откуда взявшаяся на низком песчаном берегу Шелони.

14 июля 1471 года в Шелонском сражении новгородская военная машина оказалась сломана решительно и навсегда.

Современный биограф Ивана III Великого Н. С. Борисов высказался на сей счет лаконично и в то же время выразительно: «14 июля 1471 года князь Даниил Холмский своим мечом перевернул... страницу русской истории. Битва на Шелони не привела к немедленному присоединению Новгорода к Московскому государству. Это случилось лишь семь лет спустя. Однако именно она надломила волю той части новгородцев, которая не хотела подчиниться диктату Ивана III. Во время похода Ивана III на Новгород в 1477–1478 гг., завершившегося падением боярской республики, новгородцы уже не пытались сразиться с москвичами в “чистом поле”. Нескольких уроков “московского боя”, преподанных им Холмским, оказалось вполне достаточно для того, чтобы убедить самых рьяных в бесполезности вооруженного сопротивления»¹⁴.

Ю. Г. Алексеев оценивает действия князя Холмского и его помощника в 1471 году иначе: «Если в стратегическом отношении воеводы князь Холмский и Федор Давыдович были далеко не безупречны, то на тактическом уровне действия воевод великого князя на Шелони заслуживают высокой оценки. Успешная переправа вброд через большую реку на виду у неприятеля делает честь их мужеству и глазомеру, а также боевым качествам их войска... В бою проявились тактика, выработанная москвичами в бесконечных схватках на южном рубеже, и качественное превосходство московского служилого ополчения, состоявшего фактически из воинов-профессионалов, над наспех собранной новгородской ратью. Победа на Шелони – победа нового над старым, великокняжеского служилого ополчения над удельно-городским»¹⁵.

Думается, дело тут не только в качестве войска, хотя, конечно, архаичная «рыцарская» конница новгородского боярства оказалась слишком неповоротливой против стремительных конных лучников Москвы, перенявших от татар подвижную манеру боя. Надо учитывать и тактический талант князя Холмского. Наткнувшись на «кованую рать» Новгорода, то есть на главные силы вечевой республики, Даниил Дмитриевич не мог знать численность неприятеля, просто видел, что она значительная, возможно, больше его собственного полка. И он уклонился от прямого таранного столкновения, которое могло дать новгородцам шанс. Вместо этого князь прощупал силы неприятеля, велел обстреливать его из луков. Эта московская тактика, заимствованная от степняков, и раньше наносила решающий урон новгородцам. Таким образом, Холмский испробовал старое средство, наблюдая за тем, как ответят новгородцы. Изобрели с прошлых поражений какой-либо контрход, завели собственные отряды конных лучников? Способны ли эффективно атаковать под градом стрел? Он еще только начинал сражение и мог, в случае необходимости, уклониться от боя – если продолжение сулило трудности. Даже перейдя на другой берег реки, полк Холмского все равно оставался более маневренной и дисциплинированной силой, чем новгородская армия, и, думается, имел возможность ускользнуть у новгородцев из-под носа, прикажи князь Холмский. Воевода ведь не молодецество московское хотел выказать, а разгромить неприятеля, и если задача не решается, мог отложить ее

¹⁴ Борисов Н. С. Русские полководцы XIII–XVI веков. М., 1993. С. 126.

¹⁵ Алексеев Ю. Г. Военная история допетровской России. СПб., 2018. С. 151.

до более удобного случая, например до подхода основных сил во главе с Иваном III. Или до соединения с псковичами. А новгородцы «посыпались» даже от этого легкого давления, от «прощупывания». Настоящего-то сражения фактически не было: Господин Великий Новгород рухнул от тычка, будто колосс на глиняных ногах. Но именно князь Холмский решил, куда и как нанести этот тычок.

А потом нанес его. Точно. Грамотно.

Что же касается «стратегии», то она ведь и не была делом князя Холмского. Стратегию войны разрабатывал сам Иван III, передвигавший по Новгородской земле своих воевод с их полками, словно пешки и фигуры по шахматной доске.

Время от времени в трудах историко-публицистических и даже (хотя, слава Богу, гораздо реже) в научных встречаются «плачи» по поводу жестокости москвичей, решительно и беспощадно разнесших военную машину Новгорода в щепы.

Тут нельзя не согласиться с одним: на Коростыни Холмский допустил жестокость гораздо большую, нежели это достойно в отношении единоплеменников и единоверцев. Не были новгородцы смертельными врагами москвичам, и, возможно, тут сыграла роль память князя из тверского рода об обидах, давным-давно нанесенных вечею республикой его предкам... Но, даже поняв этот мотив, принять и оправдать жестокость невозможно. Для христианина подобные действия не достойны веры его.

А во всем остальном... нет причины лить слезы. Как сказала супруга одного пирата, увидев его на виселице с веревкой на шее: «Если бы ты сражался, как мужчина, не болтался бы сейчас, как собака». *Vae victis!*

Хочешь для себя свободы – умей защитить ее. Не сумел, так вини себя сам.

Кампания 1471 года еще не завершилась актом окончательного присоединения Новгорода Великого к Москве. Это произошло позднее: в результате еще одного военного похода на Новгород осенью 1477 года¹⁶ и «похода миром» 1479 года¹⁷ (впрочем, также сопровождавшегося артиллерийским обстрелом мятежного Новгорода).

В первом из этих двух походов князь Д. Д. Холмский – старший из великокняжеских воевод Передового полка, под его руководством состоит отряд костромичей. Формально полк возглавляет брат Ивана III, удельный князь Андрей Меньшой, но действительное командование не только над костромичами, но и над всем полком, конечно же, в руках у Даниила Дмитриевича. Подойдя к городу, великий князь велел Холмскому встать в «Варкаже», или «Аркажине» монастыре¹⁸, отдельно от Андрея Меньшого¹⁹. Точно так же и другие воеводы – как Передового, так и других полков – разошлись по крупным монастырям и поселкам со своими людьми.

Можно предположить, что их задачей было стремительным броском занять обители, предотвратив их сожжение и опустошение новгородцами, которые могли устроить армии великого князя «выжженную землю», тем более страшную в зимних условиях Русского Севера. Подобные предположения высказывались историками московско-новгородских войн. Официальная летопись московская говорит то же самое: 19 или 20 ноября 1477 года из походного лагеря «на Палинах» великий отправил «...воевод своих под Новгород – городища и монастыри... отнимати, чтобы не пожгли. А велел пойти к Броничю князю Данилу Холмскому...»²⁰ и другим воеводам. Достигнув названного рубежа и заняв обители, военачальники московские должны были ждать дальнейших указаний от великого князя. Но скорее глубинный смысл

¹⁶ Завершилась эта новгородская кампания уже в 1478 году.

¹⁷ Завершилось пребывание Ивана III в Новгороде уже в 1480 году.

¹⁸ Иначе говоря, Аркадьевский Успенский монастырь, в XV столетии находившийся южнее Новгорода. В XVIII веке упразднен.

¹⁹ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 18.

²⁰ Московский летописный свод // Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 313.

этого действия, прямо не проговоренный ввиду его очевидности для тактиков новгородской кампании, был иным: следовало расположить части огромного полевого соединения по местам теплым, хлебным, дабы монастыри решали задачу их снабжения, а воинам не приходилось стоять в чистом поле на снегах и при морозе. Заслугой великокняжеских воевод, в том числе Даниила Дмитриевича, следует считать то, что они заняли монастыри со всей необходимой расторопностью, какой требовало дело.

На сей раз новгородцы не решились испытывать судьбу в генеральном сражении. Четыре больших разгрома 1471 года (три из которых, хотелось бы напомнить, устроил им Холмский) научили их больше полагаться на стены города, чем на собственную отвагу. Но и стены им не помогли: Великий Новгород сдался Ивану III и присягнул ему как своему государю.

В данном случае Холмский не добавил себе славы новыми громкими победами, он просто быстро и четко выполнил волю Ивана III. Отслужил свое без яркости, но надежно.

В походе «миром» 1479 года к Новгороду Великому Иван III взял с собой ряд бояр и воевод, среди которых Даниил Дмитриевич числился первым, то есть старшим «по чести». Как выразился историк В. В. Каргалов: «Это было признание»²¹.

Вряд ли на сей раз Даниил Дмитриевич участвовал в боевых действиях, ограничившихся канонадой. Скорее он играл роль советника при Иване III и главного из вельмож почетной свиты великого князя.

Итак, новгородские походы прославили Холмского и подготовили к более трудным испытаниям.

Во всех острых ситуациях московско-новгородских войн Даниил Дмитриевич проявлял одни и те же качества личности: решительность, отвагу, стойкую волю к победе, атакующий стиль. Сюда же следовало бы добавить стремление выполнять приказы Ивана III абсолютно точно и быстро.

Любопытно, что когда Холмскому досталась самостоятельная крупная задача, решая которую он не мог опереться на прямой и ясный приказ, поскольку великий князь был далеко, а обстановка требовала действовать без промедления, полководец справился с испытанием достойно. Это свидетельствует о способности князя проявлять независимость мышления. Способности, никоим образом не подавленной строгой дисциплиной великокняжеской службы.

Имеется в виду военная кампания под Псковом, выпавшая на долю Холмского между первым и вторым походами на Новгород.

В конце 1473-го – начале 1474 года, по сообщению Псковской летописи, «...бысть псковичам многи обиды и брани великия с немцы, и послаша послы своя к великому князю Ивану Васильевичу бити чолом и просити помощи противу немец. И пожалова свою вотчину князь великий, посла князя Данильа и инех бояр много с силами, и приехаша в Псков на Дмитров день, и стаха станы по всему Заволочью». Наступательная операция готовилась зимой. Неожиданная оттепель обратила снежный покров в ледяные реки. Но над ливонскими немцами нависла угроза русского контрудара, притом не силами псковского ополчения, а помощью великокняжеского воинства. Холмский исполнил роль дипломата: он встретил сборное посольство от различных областей Ливонии и, играя отложенной возможностью наступления, добился выгодного мира: «Взяша мир с рижаны на 30 лет, а с Юрьевцы на 20 лет, а пива немцом в Псков не возити, и оттоле преста корчма немецкая. И даша псковичи Данилью 100 рублей, а князем и бояром 50 рублей, и тако поехаша от Пскова генваря в 28 день»²². Впоследствии соглашение, заключенное Даниилом Дмитриевичем, возобновлялось; условия его повторялись под общим наименованием «Данильев мир».

²¹ Каргалов В. В. Полководцы X–XVI вв. М., 1989. С. 193.

²² Псковская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 5. Вып. 2. С. 55, 56.

Псковскому сюжету в судьбе полководца посвящена драма Нестора Васильевича Кукольника «Князь Даниил Дмитриевич Холмский» (1840). Музыка для ее постановки на театре написал Михаил Иванович Глинка.

Любопытно, что вскоре после возвращения князя Холмского в Москву на него со стороны Ивана III обрушилась опала. Источники доносят обстоятельства дела скупо, многое приходится додумывать, а кое-что – догадывать.

До наших дней дошли две грамоты. Одна из них сообщает, что Даниил Дмитриевич был взят под стражу за какую-то вину перед Иваном III, имевшую материальное выражение: 250 рублей. По тем временам – целое состояние, около 20 килограммов ходячей серебряной монеты. Как и в чем провинился князь Холмский, непонятно. На сей счет высказывались разные предположения: оболгали завистники, вскрылось намерение переехать на службу к иному государю (или возникло подозрение в подобном намерении). Но документ вполне ясно сообщает, что причина гнева великого князя – денежная. Возможно, растрата казенных средств. Возможно, дары псковичей Иван III посчитал неуместными для своего служильца, выполнявшего государево распоряжение... Не получается сказать с точностью. Так или иначе, Иван Никитич Воронцов, представитель одного из знатнейших боярских семейств державы, «выручил» Холмского, подписавшись на выплату названной суммы, если тот куда-нибудь сбежит; более того, сам правитель грозно обещал, что в этом случае он заберет себе все имущество и все земельные владения князя²³. Лишь после поручительства Ивана Никитича князь Холмский отпустили на свободу.

Поручителей, подобных И. Н. Воронцову, было восемь (имена других неизвестны). Общая сумма поручительства – две тысячи рублей – совершенно запредельная для XV столетия.

Что за ней стоит? Загадка. Растрата не двухсот пятидесяти рублей, а двух тысяч – акт фантастический: на такие деньги можно было обеспечить конями целый полк... Не очень понятно, как и при каких обстоятельствах воевода мог «спустить» более полутора центнеров серебра.

Поэтому «политическая» версия ареста и опалы остается небезосновательной. Весьма возможно, что обвинение в растрате (да была ли она в действительности?) прозвучало вследствие слишком большой, с точки зрения Ивана III, самостоятельности Холмского в псковских делах (припугнуть, напомнить служильцу, что он не удельный князь, а всего лишь титулованный слуга государев). Или, быть может, некие слова недовольства, высказанные Даниилом Дмитриевичем, оказались восприняты с гневом и подозрением: как смеет? не желает ли сбежать?

Так или иначе, другая грамота сообщает: Даниил Дмитриевич публично, при митрополите Геронтии и целом соборе духовенства, «бил челом» Ивану III о прощении. И великий князь «нелюбье свое... отдал». Но Холмский вынужден был целовать крест на том, что будет всю жизнь служить великому князю московскому и его наследникам, никуда не «отъедет», никакого «лиха» не причинит, а если услышит о неких угрозах или выгодах в отношении своего государя, то немедленно сообщит²⁴.

Загадочный этот и крайне неприятный для Даниила Дмитриевича эпизод впоследствии никак не повредил его карьере. Более того, Холмский уйдет из жизни весьма богатым человеком. Убедившись в честности своего служильца, Иван III богато жаловал его, и Даниил Дмитриевич имел обширные земельные владения в трех уездах – Московском, Дмитровском, Рузском: три села, десятки деревень и починков²⁵. Под занавес службы он оказался на прибыльной должности владимирского наместника.

²³ Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Ч. 1. С. 250, 251.

²⁴ Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Ч. 1. С. 249, 250.

²⁵ Акты Русского государства 1505–1526. М., 1975. С. 84, 85; Акты социально-экономической истории Северо-Западной

Более того, в «приближении» у великого князя оказался не один Даниил Дмитриевич, а род его. Так, дети его, Семен и Василий, также станут воеводами на великокняжеской службе. Притом младший, Василий, вырастет в «крупную политическую фигуру»²⁶. Иван III дал ему чин боярина, женил на своей дочери Феодосии, отдавал под команду целые армии. Государь обеспечил князю В. Д. Холмскому чрезвычайно высокий статус, фактически сделал старшим из бояр и своего рода «заместителем». Холмский даже именовался «наместником Московским». В 1508 году, уже при следующем государе московском, Василий Дмитриевич возглавит большое войско, где подчиненными ему воеводами поставлены будут известнейшие военачальники того времени, и вышибет литовцев из Дорогобужа. Однако Василий III, видимо рассматривавший В. Д. Холмского как возможного претендента на престол, то есть опасного конкурента, объявил ему опалу, арестовал и отправил в узилище, где тот и скончался.

До падения князь много лет являлся большим вельможей, «столпом державы».

Что ж, служба великому князю Ивану Васильевичу имела как свои недостатки, так и свои преимущества: монарх умел быть и грозным, и милостивым...

Любопытное замечание по поводу «дела Холмского» принадлежит историку Н. С. Борису. С его точки зрения, московская знать дружно заступилась за Холмского, пойдя в поручители, поскольку Даниил Дмитриевич перестал считаться на Москве чужаком. Князь, что называется, пустил корни: «Холмский... успел породниться с местной аристократией. Он был женат на дочери... И. И. Заболоцкого – внука знаменитого московского боярина Ивана Всеволожского, ослепленного по приказу великого князя Василия II в 1433 году. Три сестры жены князя Холмского были замужем за виднейшими московскими боярами – [князьями] С. В. Ряполовским, С. Б. Булгаковым и И. В. Булгаком-Патрикеевым, родным братом известного воеводы Даниила Щени... Дочь Холмского была замужем за боярином И. В. Ховриным»²⁷.

Главная угроза, нависавшая над Московским государством во второй половине XV века, это, конечно же, так называемая Большая орда – один из осколков Золотой орды, притом наиболее мощный на годы правления Ивана III. В начале 70-х годов XV столетия (специалисты называют разные даты) великий князь московский счел свою державу достаточно мощной, а Большую орду достаточно ослабевшей, чтобы можно было отказать ордынцам в выплате дани.

Война, которую открывал этот отказ, должна была стать вооруженным столкновением не на жизнь, а на смерть. Иными словами, на такое надо было решиться. А решившись, все возможные ресурсы мобилизовать для неотвратимой борьбы. Битва с Большой ордой это ведь, в сущности, таранный удар лоб в лоб с айсбергом... Так расколется ли айсберг или, быть может, он потопит русский корабль со всеми добрыми упованиями его кормщика?

Первый раз татарская сабля высекла искру из русской тверди в 1472 году: Ахмат сжег приграничный город Алексин, но дальше наступать не решился, так как к тому времени воинство Москвы заблокировало все удобные переправы.

После сожжения Алексина на Оке татарам загородил путь и счастливо отбил Петр Федорович Челяднин «с малыми зело людьми» (возможно, в качестве младшего военачальника в боях участвовал воевода Семен Беклемишев)²⁸. Челяднин в жестоком бою устоял до подхода значительных сил – полков удельных князей Василия Михайловича Верейского и Юрия Васильевича Дмитровского, потом уже и полков самого великого князя, а также служилых татар «царевича» Даниара. По другой летописной версии, первый удар принял князь Василий Михайлович Верейский, а уж потом подошли братья великого князя – Юрий Дмит-

Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1952. Т. I. № 379–384.

²⁶ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 112.

²⁷ Борисов Н. С. Русские полководцы XIII–XVI веков. М., 1993. С. 128.

²⁸ Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 297; Продолжение летописи по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. СПб., 1859. Т. 8. С. 174.

ровский и Борис Волоцкий, и в то же время «приспел воевода Петр Федорович Челяднин с полком»; в последнюю очередь татары сожгли Алексин, но прорвать обороны по окскому берегу не сумели²⁹. Ахмат через крупные силы русского воинства пробиться не смог и отступил, храня в сердце величественное зрелище русского воинства в сверкающих доспехах.

Историк Н. С. Борисов остроумно сказал по этому поводу: «Это было поистине внушительное зрелище: вдоль берега Оки выстраивались тысячи всадников в сияющих на солнце шлемах с флажками-“яловцами” на макушках и начищенных до зеркального блеска железных латах. Летописец, писавший со слов очевидца, замечает, что одетое в железо русское войско сверкало на солнце “якоже море колеблющееся, или езеро синеющееся”. Татары, не имевшие собственной металлургии и всегда страдавшие от недостатка железа, с завистью смотрели на эту великолепную экипировку, делавшую русских воинов практически неуязвимыми для татарских стрел и сабель. Доспехи самих степняков ограничивались главным образом всякого рода изделиями из дерева, кожи и войлока. Только военачальники имели железные шлемы и латы...»³⁰

Вернее всего, именно П. Ф. Челяднин – главный герой Алексинского «стояния». Князь же Верейский и брат Ивана III князь Юрий Васильевич первыми упомянуты в некоторых летописях из-за того, что они стояли выше по своему социальному статусу, нежели Челяднин, который оказался на берегу первым из тех, кто мог дать бой Ахмату.

Даниилу Дмитриевичу досталась тогда роль далеко не первая, не ведущая. Холмского назначили старшим из воевод, выводивших в поле оборонительные отряды самого Ивана III. Однако основные силы под его командованием добрались до места, чтобы прикрывать от ордынцев направление «на берегу», то есть на Оке, позднее отрядов других военачальников (уже после подхода Челяднина и удельных князей). О его участии в боевых действиях ничего не известно³¹. Но сверкающее начищенным металлом многолюдство – главные полки великого князя – на Оку вывел именно он.

Борьба с Ахматом достигла финальной стадии в 1480 году. Хан заключил соглашение о взаимопомощи с Польско-Литовским государством и двинулся на Русь. Ахмат мобилизовал людские ресурсы обширных степных пространств. По словам историка В. Д. Назарова, требование Ахмата к последнему московскому послу в Орде, чтобы великий князь сам прибыл к хану, «...означало восстановление политической зависимости в формах XIII–XIV века, когда великий князь получал ярлык на великое княжение из рук хана, коленопреклоненно, в его главном шатре. Плюс такое посольство сопровождалось невероятными выплатами как в ходе самого посольства, так и потом в виде разрастающихся размеров выхода, то есть дани».

Иван III именно от всего этого замшелого, архаичного набора унижительных обязательств, составлявших суть ордынского ига, собирался избавиться Русь. И он готов был рискнуть, поборовшись за свободу с могучим противником.

Летом 1480 года в Москве узнали о движении Ахмата и начали выдвигать войска ему навстречу. Передовые отряды хана напали на волость Беспуту и разграбили ее. Однако на Оку уже выходили полки Ивана III. Сам он с основными силами встал в Коломне. Его сын и наследник Иван Молодой расположился с полком под Серпуховом. А младший брат великого князя, удельный князь Андрей Меньшой, встал у Тарусы. Прочие, не столь значительные отряды, заняли места по бродам на Оке, исполняя сторожевую службу.

И Ахмат, ожидая помощи от Казимира, короля польского и великого князя литовского, не решился в одиночку прорывать позиции русских войск.

²⁹ Софийская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. СПб., 1853. Т. 6. С. 195.

³⁰ Борисов Н. С. Иван III. М., 2000. С. 328.

³¹ Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб., 1901. Т. 12. С. 148.

Ведя разведку неприятельского расположения, хан искал слабые места в нем, но не находил. Тогда хан сместился со всеми ордынскими полчищами западнее, обходя окский оборонительный рубеж. Он прошел мимо русских городов Мценска, Любутска и Одоева, встал у Ворытнска. Как ни парадоксально, вся эта русская православная область в той войне играла роль союзной Ахмату страны, поскольку являлась тогда частью Великого княжества Литовского.

Между тем Казимир не шел сам с войсками и не присылал подкреплений Ахмату, поскольку связан был по рукам и ногам нашествием ценнейшего союзника Ивана III – крымского хана Менгли-Гирея. Казимир так и не даст поддержки ордынцам. Впоследствии Ахмат отомстит нерасторопному союзнику, разорив на обратном пути русские земли его державы...

Уже в осеннее время Ахмат создал угрозу на другом направлении: хан собирался напасть на коренные земли Московского государства, перейдя реку Угру. Вслед за ним на Угру перешел заслон из великокняжеских полков. Сам же Иван III отправился в Москву – собирать силы, готовиться, если придется, к обороне города и выслушивать советников, часть которых шептала ему в уши неподобное: бежать! А если и не бежать, то договариваться с неверным «царем» Ахматом, соглашаясь на его условия. Город бурлил, народ волновался, требуя защиты от татар, призывая показать силу.

Летопись сообщает: Иван III, отъехав из расположения главных сил на Москву, наследника своего Ивана Ивановича «...там же остави у Оки, а у него остави князя Даниила Холмского, а приказа ему: как придет на Москву и прише к нему, ино бы с сыном часу того приехал к нему...»; из Москвы же послал грамоту (и не одну!), призывая сына немедленно оставить войска и прибыть в столицу; но тот «...мужество показа, брань прияв от отца, а не еха от берега, а хрестьянства не выда»; видя непослушание сына, великий князь «...посылаше к князю к Даниилу, веля его сильно поймав [Ивана Ивановича], привести к себе; князь же Данило сего не сотвори»; воевода обратился к наследнику престола, увещевая его поехать к отцу, но насилья, вопреки прямому и ясному распоряжению Ивана III, применять не стал; а Иван Иванович ответствовал, что легче ему «зде умрети, нежели к отцу ехати»³². Так оба – храбрец Иван Молодой и еще более мужественный человек, князь Холмский, – остались в войсках.

Для сына великого князя акт ослушания мог обернуться как угодно, однако перед лицом смертельного врага молодой мужчина не желал позориться перед всем войском, приняв «государственный интерес» за высшее благо и подав тыл ордынцам. Но его, допустим, в случае победы отец мог и простить (так и вышло), а в случае поражения все в жизни сей потеряло бы смысл, а то и жизнь была бы отъята. Другое дело – Холмский: надежнейший из воевод Ивана III вдруг являл непокорство в деле самом важном и притом мучительно неудобном для государя... Отчего ему простили бы? Хоть и привилегированному, а все же слуге, именно слуге? Слуга ослушался... Ему и после победы могут дерзость его припомнить... Вот где отвага понадобилась ничуть не меньшая, нежели для противостояния свирепой орде.

Но и ослушников понять можно: увести из войска, готового смертную чашу пить с врагом, душу его – государева отпрыска, надежду рода московских правителей, значило пренебречь духом воинов, скверные мысли заронить в умы.

Иван III не напрасно вошел в русскую историю с прозвищем «Великий». Он мог понять даже смертельное непослушание, если итог его показывал: не прав сам государь, а дерзец прав, и от его правоты державе вышла прибыль, а не оскудение.

Ни Иван Молодой, ни князь Холмский впоследствии не понесли наказания.

Трудно восстановить ход мыслей обеспокоенного отца, но, быть может, вспомнил великий князь слова Вассиана, ростовского архиепископа: «К чему боишься смерти? Человек не бессмертен. Дай мне воинов, и я, старик, сам выйду против татар». Многие не испугались ныне ордынского нашествия, многие пошли биться с врагом без страха. Да и сам Иван III в бою

³² Софийская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. СПб., 1853. Т. 6. С. 230, 231.

погибнуть не боялся. Но о смерти сына страшно даже подумать! Не пришла ли великому князю на ум история из его собственной юности? Когда ему было всего лишь 12 лет, отец, Василий II, послал его с войском в дальний поход. Сам родитель не мог пойти с воинами, потому что враги ослепили его. Вот и пришлось отправляться сыну. С ним, неопытным мальчиком, войско чувствовало себя увереннее и сражалось храбрее. «Раз сын государев с нами, значит, надо биться крепко!» – говорили тогда седобородые ратники. Тогда они вернулись из похода победителями. Но разве сейчас не то же самое? Пока он, отец, собирает силы в Москве, сыну пришлось заменить его на Угре. Таков долг всей их семьи: она тащит на себе воз государственной работы. И когда родитель в одиночку не справляется, рядом с ним впрягается сын... Все встали за Русь, вот и сын его постоит со всеми вместе. Добудет себе чести, а отцу – доброй славы. Ничего, справится. Он сам когда-то справился, стало быть, и сын сможет.

Такое это было время – суровое, трудное. Юная Россия еще только поднималась из руин старой Руси. Если Россия требовала, мальчики командовали армиями. А если приходил час битвы со смертельно опасным врагом, мальчики шли в бой с оружием в руках. Некоторые погибали, но другие вырывали у врага победу.

Такое это было время! Жизнь страны висела на волоске.

В октябре – начале ноября 1480 года на Угре развернулись решающие события.

Ахмат настойчиво штурмовал Угру, стремясь перейти на левый ее берег. Его встречали на бродах и «перелазах» пищальным огнем и ливнем стрел. Стояние на Угре вовсе не было мирным. Оно представляло собой целый каскад малых боев и больших сражений. Ордынцы искали любую дыру, где им дали бы возможность зацепиться за противоположный берег и перевести через этот плацдарм основные силы. Они производили разведку боем, а если чувствовали слабинку, то вводили в сражение крупные подкрепления, засыпали московских ратников стрелами... Но пробиться нигде не могли.

Ордынские конники, сунувшись в одну брешь, вторую, пятую, десятую, всюду встречали легкие, подвижные отряды московских воевод. Москва отбивала их от своего берега с тяжелыми потерями. Лилась кровь, нервно ржали и носились на мелководе кони, лишившиеся всадников, рыкали пищали русские, дым пороховой плыл над водами. Воинство Ахмата изнемогало в этой борьбе, но успеха нигде не добились.

Ахмат ждал морозов: как только Угра встанет, грозился он, так и орда пройдет на Русь всей своей страшной мощью.

Иван III, видя, что лед наконец сковал Угру, отвел армию на более удобную позицию, изготовившись там встретить врага. Но Ахмат не стал двигаться вперед. Его войско устало. Область, им занятая, оказалась разорена – не достать более ни корма для коней, ни пищи для людей. Одежда, вовсе не предназначенная для войны по русской зиме, истрепалась. В финале, как говорит летописец, «... татары ободрались одеждой и побежали». Видимо, Ахмат дал приказ на отступление, понимая, что ему, с его измотанными голодными бойцами, уже не тягаться с великокняжескими полками, у которых мощный тыл. Может быть, в следующий раз повезет больше?

Но следующего раза не было.

Главным из воевод в войсках, отправленных с Иваном Ивановичем, был, согласно известию Второй Софийской летописи, князь Д. Д. Холмский, а Ивана III сопровождал князь Федор Палецкий³³. Здесь стоит напомнить: от полевой кампании 1480 года известно совсем уж немного имен: один московский воевода, известный наверняка (а именно князь Даниил Холмский), князь Московского дома Калитичей Василий Михайлович Верецкий (не получивший удела, а значит, по статусу приближающийся к служилым князьям-воеводам), двое союз-

³³ Софийская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. СПб., 1853. Т. 6. С. 230, 231. Очевидно, речь идет об известном военачальнике князе Федоре Семеновиче Палецком-Ряполовском по прозвищу Хрипун.

ных тверских воевод, двое воевод, командовавших отрядом на второстепенном направлении (Полуэкт Бутурлин и Иван Кика), да еще тот самый князь Ф. Палецкий, который, возможно, не имел воеводского поста и всего лишь сопровождал Ивана III как лицо свиты. На главном направлении, у реки Угры, могло действовать еще пять, десять, а то и больше воевод, но их имена можно определить лишь гадательно.

«Иван Молодой, – пишет московский историк Н. С. Борисов, – во всем... деле играл роль скорее живого символа власти, нежели ее подлинного обладателя. За спиной 22-летнего наследника московского престола стоял знаменитый полководец князь Данила Дмитриевич Холмский. Именно он был фактическим руководителем всех московских войск, преграждавших дорогу Ахмату. По существу, Иван III доверил Холмскому судьбу всей кампании»³⁴.

Автор может лишь присоединиться к мнению Н. С. Борисова, совершенно обоснованному.

Холмский, очевидно, являлся тактиком номер один в русских войсках, оборонявшихся на Угре. Не он планировал перемещения всей армии с одного рубежа на другой, не он менял оборонительные позиции, не он набирал армию, и уж совсем не он определял состав ее командиров. Всем этим ведал государь. Однако в жестоком поединке с татарами Ахмата именно Холмский каждодневно определял действия отдельных отрядов, успевавших затыкать дыры на бродах и «перелазах» через реку, вовремя приказывал открывать огонь, наращивать силу для контрудара и оставлять резервы на тот случай, если в то же самое время ордынцы начнут прощупывать маршрут для прорыва в другом месте. Ему выпало сыграть в сложную, маневренную игру с могучим Ахматом, и Холмский, как старший из русских воевод, переиграл, передумал хана.

Фактически то, чем ему пришлось заниматься, – тактика не столько сражения, сколько особого типа военных действий, который в будущем, уже в XX веке, получит название «фронтальной оборонительной операции». Татары были традиционно сильны в таких «играх», поскольку войско их, поголовно конное, хорошо дисциплинированное, спаянное волей хана, имело возможность стремительно перемещаться на дальние расстояния и осуществлять многоходовые планы властителя. Холмский должен был побить татар в той сфере, где они всегда чувствовали себя уверенно, действовали энергично, располагали широким опытом. Что ж... он их побил.

Победа на Угре имела великое, или, как сейчас любят говорить, – геополитическое значение. Она перевернула страницу истории, ознаменованную зависимостью Руси от Орды. Стратегически главную работу, направленную к одолению на Угре, проделал Иван III. Тактически – князь Д. Д. Холмский. И надо бы почаще вспоминать, что его имя связано с созданием внешнеполитического суверенитета юного государства Россия.

Однако даже этот великий успех полководца затмевается иной, более поздней его победой. Самый знаменитый триумф князя Холмского, можно сказать, венец достижений на бранном поле – взятие Казани в 1487 году.

Об этом уже писали биографы Даниила Дмитриевича. Так, например, историк В. В. Каргалов высказался с уверенностью: «Главный ратный подвиг полководца – взятие Казани в 1487 году»³⁵.

До сего времени московские усилия смирить Казань, избавиться от угрозы, нависавшей над восточными областями, имели переменный успех. Казанское ханство по сравнению с Большой ордой и Крымским ханством было «младшим юртом», то есть областью, которая слабее в военно-политическом отношении, да и в «иерархии чести» занимает место пониже. Однако борьба с нею стоила Москве дорого. При Василии II Москва терпела от Казани горчайшие

³⁴ Борисов Н. С. Иван III. М., 2000. С. 427, 430.

³⁵ Каргалов В. В. Полководцы X–XVI вв. М., 1989. С. 193.

обиды, сам великий князь сидел у основателя Казанского ханства Улу-Мухаммеда в плену. Иван III воевал с Казанью в 1460-х годах и хотя и наступал, а не оборонялся, но добился лишь половинчатого успеха. Об этой тяжелой войне уже говорилось выше, придется к ней возвращаться и в следующих главах. В 1487 году перед великим князем московским открылось уязвимое место Казанского ханства: два брата-правителя, Алегам (Али-хан, Ильхам) и Магмед-Аминь (Мухаммед-Эмин), враждовали, между ними разверзлась пропасть жестокой борьбы за престол. Иван III поставил на более слабого – Мухаммед-Эмина, решив оказать ему помощь и превратить в подручника Москвы на Казанском «юрте».

Поход начался в апреле.

Русские воинские документы того времени подробно рассказывают о том, что произошло, когда московская сила вмешалась в казанские распри: сначала Магмед-Аминь прибрал к рукам власть, затем Алегам, приведя ногайское войско и договорившись с казанцами, согнал его, но «князь великий Иван Васильевич всеа Руси послал под Казань Магмед-Аминя царя да воевод своих на царя Алехаму казанского. А воеводы были по полкам под Казанью с Магмед-Аминем царем: в большом полку князь Данило Дмитриевич Холмской (а с ним еще три полка, двигавшихся «в судах». – *Д. В.*)... А берегом в конной рати отпустил великий князь Иван Васильевич всеа Руси к Казани воевод своих князя Федора Хрипуна да князя Василья Мниха Семеновичев Ряполовских Стародубских...»³⁶.

Холмский разгромил Алегама, пытавшегося решить исход войны в открытом поле. Русская летопись сообщает: когда Иван III «...посла на Казанское царство с великим воинством, за бещестие и срамоту отца своего, воевод своих: князя Данила Холмского, князя Александра Оболенского, князя Семиона Ряполовского. И встрече их казанский царь Алехан с татары своими на реке на Свяяге. Бывшу же у них бою велику, и поможе Бог и святая Богородица московским воеводам, и побиша ту многих казанцов: мало их живых в Казань утече, и град затворили, и осадити не успеха (иначе говоря, не успели как следует изготавиться к осаде. – *Д. В.*), и самого царя Алехаму жива яша руками, и с ним во град вошедша. И яша мать его, и царицу его, и два брата его и к Москве сведоша. И достальных казанцов и покориша Московскому царству и повинных учиниша»³⁷.

Но прежде, чем Казань сдалась, Алегам, после разгрома в поле скрывшийся в городе, еще сделал несколько попыток контратаковать из-за стен его. А ханский вассал, некий Аль-Гази, возглавил внешнее воинство, досаждавшее нападениями на русский лагерь.

Даниил Дмитриевич, увидевший реальную возможность захватить Казань, но не имевший к тому достаточно сил, быстро сориентировался и вызвал подмогу. Ожидая ее, князь блокировал город с помощью «острога» – дерево-земляных укреплений. Иван III направил к нему конное воинство во главе с князем Василием Федоровичем Шуйским, а также судовую рать под командой князя Ивана Васильевича Ромодановского. Это придавало уверенность действиям русских под Казанью.

Холмский сначала ударил на Аль-Гази и отогнал его. Затем воевода затянул тугую петлю вокруг казанских стен, отшвыривая атакующего вновь и вновь Алегама. Сами казанцы в итоге изнемогли от битв и сдали как правителя своего, так и город свой. Иной летописный текст гласит: «На всяк день татарове, из города вылазя, билися с Русью. И прииде на царя и на

³⁶ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. I. С. 27, 28.

³⁷ История о Казанском царстве (Казанский летописец) // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 19. С. 21.

татар изнеможение. И царь Аляхам сам выеде из города неволею... в руки воеводам... И город взяли»³⁸.

Холмский простоял у Казани всего семь недель: с середины мая по начало июля 1487 года.

Вместо пленного Алегама князь посадил «на царство» Магмед-Аминя³⁹.

Взятие Казани – успех огромный, фантастический. Захват одной из ордынских столиц и не снился Руси во времена, скажем, Дмитрия Донского или даже Василия II. Казань на протяжении нескольких десятилетий представляла собой постоянную угрозу для Москвы. Набеги казанцев обходились страшно дорого! Казань не имела столько сил, чтобы сокрушить Москву, но располагала ресурсами «молодого хищника», жадного до чужого имущества и мечтающего о рабах-иноплеменниках. Тысячи и тысячи русских томились в казанском плену. Победа князя Холмского позволила Ивану III без малого на два десятилетия избавить Россию от опасностей со стороны Казанского ханства. Государь московский ставил туда «подручных» правителей, подкрепляя твердость их пребывания на престоле вооруженной силой. И русский пахарь на восточных рубежах мог спокойно идти за плугом, а русский купец – не бояться грабежа.

Исключительно высоко оценивает результаты победы над казанскими татарами в 1487 году современный историк В. А. Волков: «Победа, одержанная Москвой над Казанью, имела огромное значение. Окончательно покорить татарское государство в 1487 году не удалось, но на долгие годы оно попало в тесную зависимость от русской политики. Впрочем, московское правительство не выдвигало тогда к Казани особенных территориальных и политических требований, ограничившись полученными от нового казанского “царя” обязательствами не воевать против Русской Державы, не выбирать нового хана без согласия великого князя, а также гарантиями обеспечения безопасности русской торговли. Мухаммед-Эмин пользовался полным доверием и поддержкой русского правительства»⁴⁰.

Холмский успешно решил тактическую задачу, которую после него на протяжении шестидесяти пяти лет не сумел решить никто из русских полководцев, действовавших на восточном направлении. Сложность ее состояла в том, что у войска, идущего на Казань, чрезвычайно растянуты коммуникации. Проще говоря, его неоткуда снабжать. При этом боевые действия происходят во враждебной среде: местные народы на всем протяжении почти вековых русско-казанских войн, с середины XV столетия по середину XVI, чаще проявляли недоброжелательное а то и открыто враждебное отношение к пришельцам с запада. Для них русские воеводы были примерно тем же, чем являлись темники Батые для русских в 1237–1240 годах: чужаками, разорителями. А значит, русскую армию помимо борьбы за столицу ханства ожидали еще и нападения с разных сторон, из засад, от малых «городков» татар и «черемисы». Стремление же довести припасы, артиллерию, значительную часть войск на судах нередко создавало дополнительный риск для судьбы всей кампании: «судовая рать» могла попасть в западню, что, в свою очередь, создавало опасность для сил, шедших «позем». Впрочем, даже если «судовая рать» счастливо доставляла провиант, порох, пушки, подкрепления, то и на этих запасах огромное воинство не могло долгое время поддерживать свое существование во враждебной стране... Таким образом, разделение сил при наступлении на Казань почти неизбежно, но весьма рискованно, а растянутость коммуникаций в любом случае создает труднорешаемую проблему обеспечения.

³⁸ Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950. С. 96.

³⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. I. С. 27, 28.

⁴⁰ Волков В. А. Под стягом Москвы: Войны и рати Ивана III и Василия III. М., 2016. С. 40.

Ключик, подобранный Холмским к Казани, выглядит вроде бы просто и незамысловато: князь действует с максимальной быстротой и решительностью. Он искал боя, то есть способа перемолоть живую силу противника и тем самым деморализовать его. Князь громит внешнюю рать казанцев, громит рать, вышедшую из города, вызывает подмогу, видя, что не имеет должного преимущества в силах, устраивает тесную блокаду и угрожает скорым беспощадным штурмом самой Казани. Запасы в лагере его полевого соединения не успевают иссякнуть, а дело уже сделано.

Но до такой «простоты» может додуматься только искусный военачальник, притом человек отважный, волевой, энергичный. Холмский понимал, что долгая осада работает против него, что оставлять безнаказанными нападения извне нельзя, что действовать надо на пределе возможностей русской армии. Мало кто после него достигал той же ясности в понимании этих тактических и «логистических» проблем.

Несколько лет спустя, будучи уже немолодым человеком, Даниил Дмитриевич еще успел поучаствовать в первой большой войне между Россией и Великим княжеством Литовским. Летом 1492 года он возглавил большую пятиполковую рать, направленную в набег на северские города, пребывавшие тогда под властью Литвы.

О походе этом известно крайне мало. Во время переговоров осенью 1492 года литовский дипломатический представитель Иван Владычка заявил, обращаясь к Ивану III: «Пришла к нам весть, што люди твои, в головах князь Федор Оболенский, приходил со многими людьми войною безвестно, и города наши Мценск и Любутск жог, и наместника нашего мценского и любутского Бориса Семеновича свел, и бояр мценских и любутских з жонами и з детьми и иных многих людей головами в полон повели, и животы и статки побрали»⁴¹. Оболенский командовал самым малым, а именно Сторожевым полком в армии Холмского. Летопись сообщает, что он взял город Мценск⁴². Расстояние между Любутском и Мценском огромное, около 130 километров по прямой, а это три-четыре дня конного хода. Маловероятно, чтобы князь Федор Васильевич Оболенский-Телепень оперировал на обоих направлениях. Видимо, под Любутском осуществляли тактическую работу другие части из состава армии князя Д. Д. Холмского.

Если Мценск был взят столь незначительными силами, то неизвестно, какое применение нашли прочие полки. Вероятно, они, зайдя на литовскую территорию, по терминологии того времени – «распустили войну», то есть разорили пограничные места и взяли «полон», вместе с тем захватили Любутск, а потом спалили городские укрепления.

В целом можно констатировать еще один поход в карьере князя Д. Д. Холмского, завершившийся успешно.

В 1493 году полководец оставлен в Москве, при особе великого князя. Косвенно это свидетельствует о том, что Даниилу Дмитриевичу уже не хватает здоровья на дальние походы. Иначе князь, столько раз показывавший свой блистательный тактический талант, вряд ли оказался бы вне масштабных военных действий, которые тогда велись на западе России.

Вскоре он скончался.

Князь Холмский был блистательной кадровой находкой Ивана III. Его тактический дар стал солидной гирей на чаше весов переменчивой судьбы рождающейся России. Именно этим инструментом Иван III «слома» сначала Новгород, затем Казань, именно с его помощью он отразил нашествие Ахмата. Можно многое говорить о социально-экономических и внешнеполитических факторах, действовавших при создании единого Русского государства, но совершенно неправильно сбрасывать со счетов фактор личный. Талантливый полководец всегда в цене. Порой на его плечи ложится бремя спасителя отечества. Иногда он – разрушитель старого

⁴¹ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35. С. 73.

⁴² Воскресенская летопись. Продолжение // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 8. С. 225.

порядка, иногда – его восстановитель. Но, стоит повторить, он всегда в цене, поскольку его способности имеют непостижимую мистическую природу дара Божьего, а без него все осложняется.

Итак, искусный полководец всегда в цене... но особенно, если за его спиной – талантливый правитель.

Два несомненных лидера, своего рода «маршала» Ивана Великого, делящие, если применить спортивную терминологию, первое и второе места, это князья Даниил Дмитриевич Холмский и Даниил Васильевич Щеня. Оба они принесли рождающейся на их глазах и их трудами России множество побед. Оба по результативности могут сравниваться с самим А. В. Суворовым. Трудно сказать, кто из них первенствует по заслугам перед отечеством. Скорее можно говорить о другом: когда счастливая звезда первого из них закатывалась, слава второго только начала восходить. Фактически в начале 1490-х годов Щеня сменил Холмского в роли абсолютного лидера русской военной элиты.

Значит, пришло время поговорить о князе-Гедиминовиче Данииле Васильевиче по прозвищу Щеня.

Глава 2

Князь Даниил Васильевич Щеня

Тактическая деятельность таких титанов русского военного командования, как князья Д. Д. Холмский и Д. В. Щеня, отмечена пятью-шестью крупными победами на каждого, что ставит их в один ряд с самыми знаменитыми полководцами отечественной истории от начала Руси до наших дней. В сущности, это были русские Наполеоны XV столетия. Или, точнее, Суворовы русского Средневековья. Причем сказать это можно безо всякого преувеличения и безо всяких оговорок.

Князь Даниил Васильевич Щеня происходил из знатнейшего рода Гедиминовичей – потомков великих князей литовских.

Его дядя, И. Ю. Патрикеев, – один из величайших вельмож правления Ивана III, государственный деятель высшего уровня, его сын Василий Косой (двоюродный брат Даниила Васильевича) – также один из ведущих государственных деятелей конца XV столетия. В 1499 году оба они, отец и сын, проиграв при дворе решающий раунд политической борьбы, вынуждены были принять иноческий постриг. После этого какое-либо их участие в военных делах перестало быть возможным.

Однако их близкие родственники, князья Д. В. Щеня и М. И. Булгаков, не пострадали, сохранив прежнее положение в военной элите. Да и другие Гедиминовичи⁴³

⁴³ В первую очередь князь Ф. И. Бельский, а также князь А. И. Курака-Булгаков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.